

Такъ будь же ты суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой,—
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣйства
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади.

Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный и—поди!»
Такъ говорилъ мулла жестокой,
А кабардинецъ черноокой,
Безмолвно чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но чуждый страха,—онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поглялся своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

II.

Погаснулъ день. Угрюмо бродить
Аджи вокругъ сакли... Ужъ давно
Въ горахъ все тихо и темно.
Луна, какъ яркое пятно,
Изъ тучки въ тучку переходитъ:
То въ ней померкнетъ, то блеснетъ.
Какъ призракъ, юноша ползетъ.
Беззвучно къ вражьему порогу,
Кинжалъ изъ кожаныхъ ноженъ
Освобождаетъ понемногу—

И вотъ дыханье слышитъ онъ...
Аджи недолго разсуждаетъ.
Врагу заснувшему онъ въ грудь
Кинжалъ убійственный вонзаетъ,
И въ ней спѣшнѣ перевернуть.
Кому убійцей быть судьбина
Велитъ, тотъ будь имъ до конца...
Одинъ погибъ; но съ кровью сына
Смѣшавъ спѣшнѣ онъ кровь отца.
Предъ нимъ старикъ: власы сѣдые.
Черты открытаго лица
Спокойны, и усы большіе
Уста закрыли бахромой;
Какъ на молитву сжаты руки...
Зачѣмъ ты взоръ потупилъ свой,
Аджи? Не совѣсти ли муки
Ты слышишь?.. Вновь взмахнулъ рукой—
И съ ложа внизъ, окровавленный,
Скатился медленно старикъ,
Сталъ неподвиженъ блѣдный ликъ.
Лобзаньемъ смерти искаженный...
Но мщенія не свершенъ завѣтъ,—
Еще посѣдней жертвы нѣтъ..
Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышетъ,
Но не встрѣчаетъ ничего;
И только сердца своего
Бѣненіе трепетное слышитъ.
А гдѣ жъ она?... Ужели нѣтъ?—
Жила же дочка съ Абулатомъ!

И ждетъ ее въ семнадцать лѣтъ
Одна судьба съ отцомъ и братомъ...
И вотъ луны скользящій свѣтъ
Проникнулъ въ саклю, озаряя
Два трупа на полу сыромъ
И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
Спала лезгинка молодая.

III.

Мила, какъ сонный херувимъ,
Передъ убійцею своимъ
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала; только сонъ мятежный,
Волнуя дѣвственную грудь,
Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
И вотъ, исполнены томленья,
Открылись черные глаза,
И—тайный призракъ упоенья—
Блестала ярко въ нихъ слеза;
Но, не страхнувши грезы ночи,
Мгновенно вновь сомкнулись очи.
Увы, ни радость, ни любовь,
Ни грусть ихъ не откроютъ вновь...
Аджи глядитъ, и въ думахъ тонетъ
Его душа... Урочный часъ!..
Раздался стонъ... Кто такъ простонетъ.
Тотъ простоналъ въ послѣдній разъ.
Кому жъ пришлось такіе звуки
Услышать,—ихъ не позабыть,
И никогда не заглушить
Воспоминанья тяжкой муки.

IV.

Сидитъ мулла среди ковровъ.
Добытыхъ въ Персіи счастливой,
И въ дымѣ легкихъ облаговъ
Кальянъ свой куритъ онъ лѣниво...
Вдругъ слышитъ быстрый шумъ шаговъ:
Въ крови, съ злобѣщими очами,
Аджи явился молодой;
Въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой—
Окаймлена волосъ волнами,
Лезгинки юной голова.
«Свершилось! Вотъ тебѣ, мулла,
Подарокъ... Какъ вѣрны удары
Мои!..—Аджи ему сказалъ.—
Ну, что жъ, узналъ, узналъ ли старый?..»
И взмахъ руки—и ужъ торчалъ
Въ груди дымящійся кинжалъ.

V.

На вышины горы священной,
Вечернимъ солнцемъ озаренный,
Какъ одинокій часовой,
Бѣлѣетъ памятникъ простой:
Изъ камня столбикъ округленный,
Чалмы подобіе на немъ;
Шиповникъ стелется кругомъ...
Оттуда синія пустыни
И гребни самыхъ дальнихъ горъ—
Свободы вѣчныя твердыни—
Пришельца открываетъ взоръ.
Забывши міръ и имъ забытый,